

Научная статья

УДК 343.3/7

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).307-314

EDN PVYWEO

Уголовно-правовые и криминалистические аспекты информационной безопасности несовершеннолетних

Диана Аркадьевна Степаненко*Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
diana-stepanenکو@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6844-8598>***Ярослав Владимирович Гармышев***Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
garmyv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8667-8030>*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены элементы законодательной и правоприменительной характеристик информационной безопасности несовершеннолетних лиц в цифровом пространстве при построении уголовно-правовых запретов в отечественном уголовном законодательстве России в целях последующей квалификации и расследования отдельных видов цифровых преступлений. Определены источники поступления вредоносной информации, дана их классификация по признакам объективных показателей, представлена правовая оценка влияния информационной среды с негативным содержанием на несовершеннолетних лиц. Установлены уголовно-правовые и криминалистические направления контроля над информационной средой, в которой находятся несовершеннолетние граждане в условиях развития цифровых технологий. Рассмотрены основные индикаторы цифровой виктимизации подростков, что необходимо в процессе установления причин и условий совершения преступлений в цифровой среде. Кроме этого, отмечается, что в целях повышения эффективности борьбы с преступностью виктимологическое воздействие является весьма перспективным, предложен ряд изменений в действующее уголовное законодательство. Для правильной квалификации преступлений против несовершеннолетних определены признаки цифрового насилия, его современные разновидности, и предложены критерии по их установлению в соответствующих правоприменительных документах при привлечении виновных лиц к ответственности. На основе ситуационного подхода, положений уголовного законодательства и теории квалификации преступлений определены особенности установления обстоятельств, входящих в содержание различных элементов состава преступлений, предмет доказывания, что служит ориентиром для формирования планов в процессе предварительного следствия при противодействии преступности, где необходима защита интересов несовершеннолетних граждан. Определены вопросы теоретических положений и практических рекомендаций по организации расследования уголовных дел.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

несовершеннолетний, информационное воздействие, следственная ситуация, безопасность, уголовная ответственность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Степаненко Д.А. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты информационной безопасности несовершеннолетних / Д.А. Степаненко, Я.В. Гармышев. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(2).307-314. — EDN PVYWEO // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 2. — С. 307–314.

Original article

Criminal law and criminalistic aspects of juvenile information security

Diana A. Stepanenko*Baikal State University, Irkutsk, Russia
diana-stepanenکو@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6844-8598>***Yaroslav V. Garmyshev***Baikal State University, Irkutsk, Russia
garmyv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8667-8030>*

ABSTRACT

The article examines the elements of legislative and law enforcement characteristics of information security of minors in the digital space when building criminal law prohibitions in the domestic criminal legislation of Russia in order to further qualify and investigate certain types of digital crimes. The sources of malicious

© Степаненко Д.А., Гармышев Я.В., 2025

information are identified, their classification according to objective indicators is given, and a legal assessment of the impact of an information environment with negative content on minors is presented. The criminal law and criminalistic directions of control over the information environment in which minors are located in the context of the development of digital technologies have been defined. The main indicators of digital victimization of adolescents are considered, which is necessary in the process of establishing the causes and conditions of crimes in the digital environment. In addition, it is noted that in order to increase the effectiveness of the fight against crime, the victimological impact is very promising, and a number of amendments to the current criminal legislation have been proposed. For the correct qualification of crimes against minors, the signs of digital violence and its modern varieties have been identified, and criteria have been proposed for their establishment in relevant law enforcement documents when bringing perpetrators to justice. Based on the situational approach, the provisions of criminal legislation and the theory of crime qualification, the features of establishing the circumstances included in the content of various elements of crimes and the subject of proof are determined, which serves as a guideline for forming plans in the process of preliminary investigation in countering crime, where it is necessary to protect the interests of minors. The issues of theoretical provisions and practical recommendations on the organization of the investigation of criminal cases are determined.

KEYWORDS

minor, information impact, investigative situation, security, criminal liability

FOR CITATION

Stepanenko D.A., Garmyshev Y.V. Criminal law and criminalistic aspects of juvenile information security. *Akademicheskij juridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2025;26(2):307–314. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(2).307-314. EDN: PVYWE0.

Введение

В условиях трансформации общественных отношений, сопровождающей процесс оптимизации отечественного законодательства, появляется объективная необходимость в системном мониторинге уголовно-правовых аспектов информационного воздействия на несовершеннолетних в целях дифференциации видов противоправных деяний, совершаемых с применением информационных технологий и последующей разработки методики их расследования. В настоящее время основным информационным каналом для молодежи выступает сеть Интернет, характеризующаяся высокой скоростью передачи любой информации, возможностью онлайн-доступа к большому набору различных сервисов с возможностью сохранения анонимности. Значительную долю интернет-аудитории составляют молодые люди с еще формирующимся ценностно-нормативным ядром, они и оказываются наиболее уязвимыми с точки зрения информационного воздействия деструктивной направленности. Отсюда одной из первоочередных задач правоохранительных органов и государства в целом становится обеспечение безопасности пребывания молодого поколения в цифровом пространстве. Однако эта задача осложняется необходимостью совмещения соблюдения принципа свободы информации и применения действий по недопущению негативного информационного воздействия на несовершеннолетних. Уголовно-правовая политика должна выстраиваться, исходя из результатов системного анализа меняющихся угроз и с учетом общих положений

и принципов уголовного права, что позволит более эффективно решать задачи информационной безопасности личности¹. В контексте реализации задач, установленных в Уголовном кодексе Российской Федерации² (далее – УК РФ), эта функция предопределена национальными стандартами безопасности в системе защиты прав граждан, особенно это касается дополнительной заботы со стороны правоохранительной системы России в отношении несовершеннолетних лиц [1–3].

Результаты исследования

Соответствующая первоочередная сложность определенных квалификационных проблем проявляется, во-первых, через призму отсутствия системности различных составов преступлений, которые отражают разные характеристики объекта преступления, где, на наш взгляд, необходима их соответствующая унификация отечественным законодателем в отдельном разделе УК РФ, а во-вторых, элементами частной криминалистической методики расследования соответствующих преступлений с участием несовершеннолетних. Построение системы национальной безопасности в целях защиты прав несовершеннолетних невозможно без единства понятийного аппарата нормативной базы. Кроме этого, как справедливо отмечается в теории пра-

¹ О национальных целях развития России на период до 2039 года : Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 05.03.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ва, «массовое применение терминов, связанных с теорией безопасности, не основывается на их глубоком научном понимании»; от этого также возникают сопутствующие проблемы в квалификации преступлений против несовершеннолетних, где уголовный закон реализует охранительный аспект иных норм права [4].

В криминологическом аспекте представляется важным обратить особое внимание на такие угрозы для несовершеннолетних лиц, как доступность вредоносной информации и возможность в последующем испытать цифровое насилие, установление его соответствующей правовой природы в правоприменительных документах при привлечении виновных лиц к ответственности.

Сильное беспокойство правоохранителей вызывает доступность отрицательной информации, способной нанести ущерб психологическому здоровью, а также содержащей призыв к ведению асоциального и аморального образа жизни [5].

Согласно подходу, предложенному В.С. Мауриным, под вредной информацией, понимаются «сведения, посягающие на жизненно важные интересы личности, общества и государства, характер и степень общественной опасности, от воздействия которой обуславливает необходимость принятия государством мер, обеспечивающих надлежащую правовую защиту от ущерба, наносимого этим субъектам в результате их распространения. Вместе с тем при квалификации преступления в нормативной базе термин «вредоносная информация» заменен на другой: «информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей», что тоже представляется достаточно дискуссионным, что подтверждается мнениями известных ученых в сфере информационного права. В юридической литературе предлагается, что классификация вредоносной информации, которая представляет угрозу исключительно для несовершеннолетних лиц позволит установить ее законодательные особенности» [6; 7].

В юридической литературе совершенно справедливо предлагается разделять противоправную информацию в зависимости от результата ее воздействия. По этому критерию информация делится на предполагающую обязательное нанесение ею вреда («объективно вредоносную») и ту, вред от использования которой в ряде случаев может не наступить («потенциально вредоносную»). Однако более интересной в правоприменительном ключе, с нашей точки зрения, «является классификация распространяемой противоправной информации в зависимости от

характера аудитории, на которую она распространяется» [8, с. 76].

Оказываясь в агрессивной среде, несовершеннолетние меняют жизненные ориентиры, становятся более враждебно настроенными и психологически неустойчивыми, что приводит их к кризису ценностей, когда нормы морали отходят на второй план. Визуальный и звуковой контент, потребляемый молодыми людьми посредством информационных технологий, оказывает на них сильное деструктивное воздействие, в результате которого у них формируются определенные ценностные ориентации. Тактика работы преступников в механизме преступного поведения, целью которых является максимальный охват круга потерпевших лиц и доведение социального института до состояния дисфункции, зависит от целевой аудитории и строится с учетом передового опыта в области информационно-психологического воздействия, основанного на использовании разнообразных, в том числе манипулятивных, способов, позволяющих достигать наибольшего пропагандистского эффекта. Таким образом «противоправной информацией, посягающей на психическое здоровье человека, может являться та, которая разрушает «нормальное» течение его психической жизни (предназначенная порождать панические атаки, мысли о самоубийстве, нанесении себе повреждений и тому подобное)» [8, с. 78].

В рамках построения системы стандартов безопасности несовершеннолетних «основные индикаторы цифровой виктимизации детей и подростков охватывают широкий спектр психологических составляющих функционирования личности. Основные проявления включают:

- «цифровые повреждения», незаметные для окружающих, но оказывающие продолжительное негативное воздействие на психическое состояние жертвы;

- репутационно-правовое саморазрушение личности в цифровом пространстве;

- разрушение онлайн-имиджа («цифрового портрета») личности как специфики ее самопроявления, самопрезентации в цифровой среде» [9, с. 73].

Если обратиться к соответствующему правоприменению, то следует привести достаточно интересный пример, когда «прокуратурой Куйбышевского района Калужской области в интересах несовершеннолетних лиц по результатам проверки соблюдения законодательства о защите детей от вредоносной информации было направлено заявление в суд, где определено, что

на ряде веб-ресурсов содержатся материалы, нарушающие федеральное законодательство. Речь шла о контенте, содержащем инструкции по кибербуллингу. Прокуратурой установлено, что на этих страницах содержатся материалы, призывающие к агрессивным действиям, унижающие достоинство других людей, описывающие методы психологического давления, в том числе на несовершеннолетних. Доступ к этим ресурсам был свободным, предупреждения о вредоносном содержании отсутствовали, что подтверждалось скриншотами веб-страниц. Суд постановил удовлетворить иски требования прокуратуры и признать указанную информацию запрещенной для распространения на территории Российской Федерации. Решение суда направлено для исполнения в Роскомнадзор, которому надлежит соответствующие веб-ресурсы включить в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, содержащих запрещенную информацию. Данный пример демонстрирует стремление государства к усилению защиты детей в информационном пространстве» [10, с. 81].

Относительно системы противодействия информационным преступлениям нужно согласиться с тем, что «общие принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, закрепленные в статье 3 соответствующего Федерального закона, также не могут быть дословно инкорпорированы в законодательство о защите детей от информации» [11, с. 41].

Но еще большую опасность в себе несет угроза цифрового насилия, которое можно определить, как воздействие на лицо либо группу лиц вопреки их воле, совершающееся с помощью информационно-коммуникационных технологий с целью причинения вреда или угрозы его причинения, приводящее или способное привести к причинению психологического, физического, экономического ущерба [12, с. 72]. Среди видов такого насилия выделяют: цифровой бойкот, киберсталкинг, доксинг, фрейпинг, хеппислеппинг, цифровую сексторцию, онлайн-груминг, порноместь, флейминг, зумбомбинг, виртуальное изнасилование и др.

Криминологически детерминированными признаками цифрового насилия являются: его анонимность; наличие эффекта растормаживания; отсутствие у субъекта возможности физически избежать это насилие или оказать сопротивление; значительное число свидетелей; особые механизмы виктимизации жертв.

Наиболее распространенным явлением становится сетевая агрессия, или кибербуллинг. Цифровое насилие сегодня характеризуется: высокой латентностью; ростом количества случаев совершения цифрового насилия наряду с расширением масштабов интернет-коммуникации; трансформацией цифрового насилия в физическое и психологическое насилие офлайн; хабитурализацией; развитием групповых форм совершения; использованием комплекса ПО и цифровых сервисов для сокрытия цифрового насилия. В рамках правовой сущности рассматриваемого вида насилия есть «подход в его объяснении через объективные характеристики состава деяния, где следует определить понятие «насилие» со схожими правовыми понятиями, однако особенности доказательственной базы предопределяются в основном содержанием умысла, следовательно, на этапе правоприменения возникают определенные трудности в процессе квалификации и расследования преступлений» [13, с. 63].

В научной литературе совершенно справедливо отмечается, что «страдания от преступления убивают организм, поражают высший орган жизни — нервную систему во всех ее частях, наукой экспериментально доказано, что душевные переживания человека, психологический дискомфорт способны вызвать гипертонию, язву желудка, бронхиальную астму и некоторые другие заболевания» [14, с. 53]. К нематериальным последствиям относят нравственные и физические страдания. Между тем в отраслевом законодательстве России отсутствует легальное определение этих терминов, а также нет четких критериев для их установления и определения степени тяжести таких страданий, следовательно, их необходимо определить на уровне соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

При квалификации цифрового насилия с учетом степени интенсивности для несовершеннолетнего потерпевшего должна производиться его социально-правовая оценка, которая зависит не только от характеристик последствий и способа воздействия информационного действия, но суду необходимо учитывать и другие обстоятельства содеянного, в частности время, место, обстановка совершения преступления в их взаимосвязи, а также не стоит забывать про субъективный аспект. В этой связи, как представляется, в содержательном контексте информационное преступление может быть также связано с психологической и национальной сферой жизнедеятельности общества: противоправное деяние может включать в себя элемент возбуждения

ненависти, циничного отношения к общепризнанным нормам и ценностям. Именно поэтому в противодействии этим явлениям невозможно обойтись только правовыми средствами.

Функционирование механизма привлечения виновных лиц к ответственности зависит также от уровня правосознания граждан, что влечет реализацию принципа неотвратимости наказания для виновных лиц, но тут важно определить цель уголовно-правового запрета и фиксации соответствующего объекта преступного посягательства. Общественная опасность в фактическом элементе правоотношения устанавливается масштабом негативных последствий в области охраны законных интересов несовершеннолетних лиц. В уголовно-правовой характеристике безопасность несовершеннолетних обладает качественными и количественными элементами. Качественная характеристика преступных последствий информационных преступлений в отношении несовершеннолетних лиц определяет объект посягательства, а количественная сторона определяет угрозу возможного противоправного вреда в типичных условиях совершения преступления, посягающего на несовершеннолетнего гражданина.

Принимая во внимание «появляющиеся каждый день новые информационные технологии, важно внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, которые расширят перечень преступлений, совершаемых в киберпространстве с использованием технологий, и позволят законодателю классифицировать и систематизировать подобные деяния» [15, с. 317].

В практическом аспекте достаточно интересным представляется вопрос о ситуации, когда состав формальный, но у потерпевшего лица устанавливаются нематериальные последствия в аспекте вреда здоровью. Представляется, здесь может быть возникнуть совокупность преступлений, что соответствует принципу законности в полной мере. В этой связи достаточно актуальной проблемой на этапе правоприменения в контексте основания уголовной ответственности является игнорирование показателей общественной опасности информационных «факторов», в частности, недооценка «вредоносности» последствий от информационных следов преступления.

Важно отметить, что использование цифровых технологий позволяет преступнику, совершающему противоправные действия, свободно общаться с лицами, не достигшими совершеннолетия, и продолжать эту коммуникацию в течение длительного времени, исключая физическое присутствие. Кроме того, такие преступники могут

взаимодействовать как с отдельными лицами, так и с группой людей. В таком случае их деяние не содержит единого умысла, а значит, они подлежат квалификации как совокупность преступлений.

Для определения степени негативного влияния контента предлагается использовать следующую схему возникновения информационных воздействий. Как известно, сигнал от любых раздражителей (в том числе и информационных) поступает в головной мозг, где происходит их оценка, результатом которой является последующая реакция психики. В зависимости «от направленности раздражителя либо происходит подавление (ограничение) воли лица, либо ему наносится психическая травма, либо то и другое одновременно. Характер их тяжести для потерпевшей стороны обусловлен объективными признаками механизма совершения преступления: способом деяния, какие информационные преступные средства избрало виновное лицо, наличие возможного соучастия, место совершения правонарушения, степень восприятия информации соответствующим субъектом отношений» [16, с. 438].

Таким образом, при юридическом анализе субъективной стороны преступления признаки информационного воздействия определяются через установление негативного отношения у виновного лица к общественным элементам и иным признакам. Кроме этого, как совершенно справедливо определил Верховный Суд РФ, «для правильного установления экстремистского мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, иные обстоятельства дела» [13; 17].

При квалификации преступления в вышеуказанной ситуации задача у практического работника комплексно определить соответствующую причинно-следственную связь, учитывая формирующуюся психику потерпевшего несовершеннолетнего лица при дополнительной оценке характеристик субъективной стороны, однако приоритет в оценке деяния должен быть установлен, исходя из объективных признаков содеянного.

Цифровые противоправные деяния против личности несовершеннолетнего условно можно разделить на две группы в зависимости от того, как ответственность за них прописана в законах. Первую группу составляют преступления, ответственность за которые предусмотрена отечественным законодательством и закреплена конкретной статьей. Например, это совершение противоправных деяний, которые предусмотрены статьей 105 УК РФ (убийство), статьей 109

УК РФ (самоубийство), статьей 135 УК РФ (совершение действий, носящих развратный характер) и др. Вторая группа – это преступления, ответственность за которые лишь косвенно отражена в российском законодательстве. Так, в национальном уголовном законе отсутствует отдельная статья за stalking и буллинг. Поскольку эти преступления получили очень большое распространение в нашей стране и продолжают совершаться, на наш взгляд, целесообразно закрепить на законодательном уровне понятия данных противоправных деяний в отдельных статьях УК РФ, так как дифференцированный подход в общественной опасности будет соответствовать принципам уголовного права.

Таким образом, необходимость выделения угрозы информационного воздействия в отдельный самостоятельный состав преступления обусловлена необходимостью обозначить направленность преступного деяния и соблюсти принцип справедливости, так как, по нашему мнению, совершение «результативных» актов противоправного воздействия, например, доведения до самоубийства, истязания, и такого воздействия, как их угроза, неравноценны по степени общественной опасности. Представляется, что признак общественной опасности информационного воздействия на несовершеннолетнего должен стать дифференцирующим признаком уголовно наказуемого деяния. Такой подход позволит предупреждать совершение преступления указанной направленности на более ранней стадии его развития.

Заключение

В современных условиях реализации задач уголовного законодательства необходим пересмотр отдельных оценочных признаков общественной опасности деяний в контексте определения объекта преступления в отношении несовершеннолетних граждан. Учитывая положения теории квалификации преступлений, практическому работнику нужно осуществить «соответствующий анализ и оценку сложившейся следственной ситуации, которая предопределяется алгоритмами квалификации преступлений, а также от этого зависит разработка действенных способов и средств

получения необходимой информации путем определения требуемых следственных действий и их последовательности, форм взаимодействия с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений других правоохранительных органов. Отечественному законодателю целесообразно дифференцировать отдельные виды «информационных» преступлений, в частности криминализировать появление их новых форм. Данный подход позволил бы определить грань между различными насильственными формами преступного поведения. На правоприменительном уровне необходимо добиваться недопущения распространения таких форм информации, которые наносят вред психике несовершеннолетних, в том числе с применением соответствующих нейротехнологий, с адекватным оформлением соответствующих норм в уголовном законе, однако их закрепление должно выступать крайней мерой в уголовной политике государства» [18, с. 77]. Кроме этого, несмотря на современные поисковые системы, а также данные искусственного интеллекта, обязанность установления виновного лица по соответствующим «цифровым» преступлениям по-прежнему лежит на следователе. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних лиц на современном этапе развития общественных отношений должно осуществляться в строгом соответствии с нормативно-правовой базой в области защиты соответствующего объекта уголовно-правовой охраны. В этой связи информационная безопасность как объект посягательства должна составлять круг тех общественных отношений, которые обеспечивают защиту информационной среды личности от преступных посягательств в различных сферах общества. Решению проблемы цифровой безопасности несовершеннолетних поможет также внедрение в систему образования программ или курсов по поведению в цифровой среде, формирование у несовершеннолетних лиц культуры информационной безопасности. Кроме этого, в целях обеспечения цифровой защиты возможных потерпевших лиц среди молодежи должны применяться технические элементы защиты от внешнего воздействия, включающей в себя защиту от несанкционированного доступа, компьютерных вирусов и вредоносных программ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Босхамджиева Н.А. Общественная безопасность как социально-правовая категория / Н.А. Босхамджиева. — EDN PGYZUT // Административное право и процесс. — 2012. — № 11. — С. 33–35.
2. Степаненко Д.А. Проблемы квалификации и определения предмета доказывания преступлений, связанных с реализацией товаров, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности / Д.А. Степаненко, Я.В. Гармышев. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).266-273. — EDN KGG0VI // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 2. — С. 266–273.

3. Власов Ю.А. Субъект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ / Ю.А. Власов. — EDN YKZDTN // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 24 марта 2016 г. / отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю.В. Деришев. — Омск, 2017. — С. 43–47.
4. Шободоева А.В. Стратегия национальной безопасности РФ и ее вклад в развитие понятийного аппарата общей теории национальной безопасности РФ / А.В. Шободоева. — DOI 10.17150/2411-6262.2016.7(1).17. — EDN VLIBNF // Baikal Research Journal. — 2016. — Т. 7, № 1. — С. 17–17.
5. Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет / А.Л. Осипенко. — EDN PCXPYZ // Вестник Воронежского института МВД России. — 2012. — № 3. — С. 10–16.
6. Занина Т.М. Влияние информационной среды на особенности деликтности несовершеннолетних / Т.М. Занина, А.А. Караваев. — EDN UATNBA // Охрана, безопасность, связь. — 2019. — № 4–1. — С. 157–162.
7. Маурин В.С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.С. Маурин. — Москва, 2004. — 190 с.
8. Азаров М.С. К вопросу о классификации противоправной информации / М.С. Азаров. — EDN QZDCLN // Закон и власть. — 2025. — № 1. — С. 75–79.
9. Фоминых Е.С. Нарушения информационной безопасности в контексте цифровой виктимизации детей и подростков / Е.С. Фоминых. — DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77. — EDN AUDIJK // Виктимология. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 69–77.
10. Мандзюк С.А. Особенности обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет / С.А. Мандзюк, О.А. Егерев // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 05 дек. 2024 г. — Москва, 2025. — С. 78–83.
11. Рыдченко К.Д. «Недетские» проблемы обеспечения информационной безопасности детей / К.Д. Рыдченко. — EDN TZJVDN // Вестник Воронежского института МВД России. — 2015. — № 2. — С. 40–45.
12. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации / Э.Л. Сидоренко. — DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.068-083. — EDN CONHRL // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 12. — С. 68–83.
13. Ишигеев В.С. Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности / В.С. Ишигеев, Я.В. Гармышев. — EDN OFDUTQ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 61–68.
14. Воробьев С.М. Опасность причинение морального вреда для человека: теоретико-правовой анализ / С.М. Воробьев. — EDN YSTAGR // История государства и права. — 2017. — № 11. — С. 53–57.
15. Лысенко А.А. Актуализация уголовного законодательства в сфере компьютерной информации / А.А. Лысенко // Актуальные вопросы публичного права : материалы XXII Всерос. науч. конф. молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 09–10 нояб. 2023 г. — Екатеринбург, 2024. — С. 310–319.
16. Fallin M. Criminalizing the Brain: Neurocriminology and the Production of Strategic Ignorance / M. Fallin, O. Whooley, K.K. Barker. — DOI 10.1057/s41292-018-0135-y. — EDN OKXCGV // BioSocieties. — 2019. — Vol. 14, № 3. — P. 438–464.
17. Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности / С.В. Борисов. — EDN RSUNAB // Уголовное право. — 2013. — № 6. — С. 4–9.
18. Степаненко Д.А. Киберпространство как модулятор процесса расследования преступлений и развития криминалистической науки / Д.А. Степаненко. — EDN UVOJLX // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2020. — № 1. — С. 77–88.

REFERENCES

1. Boskhamdzhieva N.A. Public security as a social and legal category. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2012, no. 11, pp. 33–35. (In Russian). EDN: PGYZUT.
2. Stepanenko D.A., Garmyshev Y.V. Problems of Qualification and Determination of the Subject of Proof of Crimes Related to the Sale of Goods, Performance of Works or Provision of Services That Do Not Meet Safety Requirements. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2024, vol. 25, no. 2, pp. 266–273. (In Russian). EDN: KGGGOVI. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(2).266-273.
3. Vlasov Y.A. Subject of the offence provided by the Art. 238 CC. In Ragozina I.G., Derishev Y.V. *Current problems of the criminal and criminal-procedural policy of the Russian Federation. Materials of International Scientific Conference, Omsk, March 24, 2016*. Omsk, 2017, pp. 43–47. (In Russian). EDN: YKZDTN.
4. Shobodoyeva A.V. Strategy of RF National Security and its Contribution to Developing Conceptual Framework of General Theory RF National Security. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 17–17. (In Russian). EDN: VLIBNF. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(1).17.
5. Osipenko A.L. Organized Crime in the Internet. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3, pp. 10–16. (In Russian). EDN: PCXPYZ.
6. Zanina T.M., Karavaev A.A. Influence of the Information Environment on the Peculiarities of the Dicense of Minors. *Okhrana, bezopasnost', svyaz' = Security, security, communication*, 2019, no. 4–1, pp. 157–162. (In Russian). EDN: UATNBA.
7. Maurin V.S. *Legal analysis of harmful information in the context of the information society*. Cand. Diss. Moscow, 2004. 190 p.
8. Azarov M.S. On the Classification of Illegal Information. *Zakon i vlast' = Law and power*, 2025, no. 1, pp. 75–79. (In Russian). EDN: QZDCLN.

9. Fominykh Y.S. Information Security Violations in the Context of Digital Victimization of Children and Adolescents. *Viktimologiya = Victimology*, 2024, vol. 11, no. 1, pp. 69–77. (In Russian). EDN: AUDIJK. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77.
10. Mandzyuk S.A., Egereva O.A. *Features of ensuring the information security of minors in the internet. Current directions of the development of law in the new reality. Materials of the III International Scientific Conference, Moscow, December 05, 2024*. Moscow, 2025, pp. 78–83. (In Russian).
11. Rydchenko K.D. “Unchildish” Problems of Children’s Information Security. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2, pp. 40–45. (In Russian). EDN: TZJVDH.
12. Sidorenko E.L. Digital Violence Against Children: the Concept, Types and Qualifications. *Lex russica*, 2024, vol. 77, no. 12, pp. 68–83. (In Russian). EDN: CONHRL. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.068-083.
13. Ishigeev V.S., Garmyshev Y.V. Features of the Qualification of Extremist Crimes. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2022, no. 4, pp. 61–68. (In Russian). EDN: OFDUTQ.
14. Vorobyev S.M. Danger of Moral Damage Infliction on Human: Theoretical and Legal Analysis. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2017, no. 11, pp. 53–57. (In Russian). EDN: YSTAGR.
15. Lysenko A.A. *Updating of criminal legislation in the field of computer information. Current issues of Public Law. Materials of the XXII International Scientific Conference, Ekaterinburg, November 09–10, 2023*. Ekaterinburg, 2024, pp. 310–319. (In Russian).
16. Fallin M., Whooley O., Barker K.K. Criminalizing the Brain: Neurocriminology and the Production of Strategic Ignorance. *BioSocieties*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 438–464. EDN: OKXCGV. DOI: 10.1057/s41292-018-0135-y.
17. Borisov S.V. The Problems of Identification of Content and Correlation of Motives in the Course of Classification of Extremist Crimes. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2013, no. 6, pp. 4–9. (In Russian). EDN: RSUNAB.
18. Stepanenko D.A. Cyberspace as a Modulator of the Process of Crime Investigation and the Development of Criminalistic Science. *Sibirskie ugolovno-protsessual’nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2020, no. 1, pp. 77–88. (In Russian). EDN: UVOJLX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Диана Аркадьевна Степаненко — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Иркутск, Россия, ул. Ленина, 11; Resercher ID: AAG-1755-2021; SPIN-код: 7170-7138.

Ярослав Владимирович Гармышев — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Иркутск, Россия, ул. Ленина, 11; SPIN-код: 6726-6892.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Diana A. Stepanenko — Doctor of Law, Professor, Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Legal Psychology, Institute of Justice. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Resercher ID: AAG-1755-2021; SPIN-code: 7170-7138.

Yaroslav V. Garmyshev — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003. SPIN-code: 6726-6892.

Поступила в редакцию / Received 20.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised 04.06.2025

Принята к публикации / Accepted 18.06.2025